

Грань

Хранительница

Эл Фрей

Эл Фрей

Грань. Хранительница I

«Автор»

2026

Фрей Э.

Грань. Хранительница I / Э. Фрей — «Автор», 2026

«Меня отправили в библиотеку, как будто я — ошибка, которую спрятали среди книг. Никто не сказал мне правду. Пришлось узнавать её самой — по страницам, по чужим недомолвкам, по взгляду человека, который смотрел на меня так, будто видел призрака».

© Фрей Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Г	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эл Фрей

Грань. Хранительница I

Глава 1

Костёр трещал так, будто спорил с кем-то невидимым, и Кира протянула к нему руки, хотя вечер был совсем не холодным — просто ладони предательски похолодели, а огонь казался единственной вещью в мире, способной вернуть им тепло.

Поляна, которую они облюбовали ещё в прошлом году, пряталась в получасе ходьбы от турбазы — достаточно далеко, чтобы не мешать никому музыкой, и достаточно близко, чтобы не бояться заблудиться в темноте. Сессия наконец закончилась, последний зачёт был сдан утром, и вечер задумывался как награда: шашлыки, гитара, которую так никто и не расчехлил, разговоры ни о чём и обо всём сразу. Всё должно было быть легко. Просто, весело, беззаботно, как в прошлом году и позапрошлом, — но привкус во рту у Кира сейчас был какой угодно, только не праздничный.

Всё началось с ерунды — с той самой мелочи, из-за которой потом стыдно вспоминать, что вообще успела повиситься голос.

— Ты вообще меня слушаешь? — резко спросила Соня, отрываясь от телефона, который до этого безуспешно искала сеть. — Я не просто так спросила, Кира. Мне правда нужно было, чтобы ты поехала со мной в понедельник, а не «я подумаю» в сотый раз за месяц.

— Соня, я же сказала — я не отказываюсь, мне просто нужно сначала понять расписание пересдач, — попыталась объяснить Кира, чувствуя, как внутри у неё нарастает то знакомое, тянущее раздражение, которое всегда появлялось, стоило Соне вложить в голос эту особую, требовательную интонацию.

— Тебе всегда сначала нужно что-то понять, — фыркнула Соня, и в голосе её прозвучала не просто обида, а нечто куда более давнее, копившееся, судя по всему, не один месяц. — А по факту у тебя каждый раз находится причина, лишь бы не брать на себя обязательство. Как будто боишься, что если пообещаешь — придётся отвечать.

— Это вообще не про обязательства, — вспыхнула Кира, чувствуя, как щёки заливают жаром, вовсе не имеющим отношения к костру. — Это про то, что у меня, в отличие от некоторых, есть ещё три хвоста, которые нужно закрыть, прежде чем я вообще смогу планировать хоть что-то на следующей неделе!

— Ой, да брось, — закатила глаза Соня. — Просто скажи прямо, что тебе неинтересно. Не нужно прикрываться сессией каждый раз, когда не хочешь никуда со мной ехать.

— Соня, это уже даже не смешно, — процедила Кира, поднимаясь на ноги так резко, что чуть не опрокинула свою собственную кружку с недопитым чаем. — Я устала, что каждый мой отказ переводится тобой в обвинение. Мне надоело оправдываться за то, что у меня есть своя жизнь, кроме твоих планов.

— Кира... — начал было Максим примирительным тоном, но она уже не слушала.

Слова вырвались раньше, чем она успела их обдумать, и, произнеся их, Кира вдруг почувствовала, как к горлу подкатывает совсем не гнев, а что-то куда более постыдное — обида, смешанная со стыдом за то, что не сдержалась, что снова, как и месяц назад, дала волю тому раздражению, которое копилось внутри неё куда дольше, чем один этот разговор о поездке в понедельник. Она резко развернулась и, ни на кого не глядя, отошла от общего круга к костру, усевшись чуть в стороне — достаточно близко, чтобы не выглядеть окончательно ушедшей, но достаточно далеко, чтобы дать понять: говорить с ней сейчас не стоит.

За спиной повисла неловкая, вязкая тишина — та самая, которая всегда возникает, когда в компании друзей кто-то срывается, а остальные не знают, чью сторону принять, чтобы не разрушить хрупкое равновесие вечера.

— Может, тебе просто пойти извиниться, — тихо сказал Игорь, обращаясь то ли к Соне, то ли к самому себе, — пока всё не испортилось окончательно.

— Пусть сначала сама остынет, — так же тихо ответила Соня, хотя в голосе её уже не было прежней уверенности — скорее сожаление, которое она пока не готова была признать вслух.

Кира сидела у костра одна, обхватив колени руками, глядя в огонь и чувствуя, как медленно, помимо воли, накатывает раскаяние — она понимала, что перегнула палку, что дело было вовсе не в расписании пересдач, а в том давлении, что копилось в ней все последние недели: усталость от сессии, недосып, тревога перед новым семестром, — всё это выплеснулось не на ту причину и не в то время. Она смотрела на пламя и не могла бы объяснить, почему взгляд то и дело соскальзывал в темноту за границей света костра, будто там, среди деревьев, было что-то, что она давно должна была заметить, но никак не могла вспомнить, что именно.

Первым к ней подсел Максим — молча, без единого слова, просто опустился рядом на траву, будто одним своим присутствием хотел сказать, что не собирается делить компанию на два лагеря.

— Знаешь, — сказал он через некоторое время, глядя не на неё, а на огонь, — вы обе сейчас немного не в себе. У Сони тоже сессия была не сахар, если ты не заметила. А ты вымотана так, что вот-вот сама себе на ногу наступишь.

— Я знаю, — тихо призналась Кира, чувствуя, как ком в горле немного отпускает от одной этой простой, необидной фразы. — Просто иногда кажется, что я задыхаюсь от того, сколько всего нужно решить, а она делает вид, будто это так же просто, как выбрать, во что одеться.

Следующим подошёл Артём — уселся по другую сторону от неё, протянув банку газировки, которую она не просила, но взяла с благодарностью, просто чтобы занять чем-то дрожащие руки.

— Она отойдёт, — сказал он уверенно. — Вы обе слишком упрямые, чтобы долго дуться. Через десять минут будете снова ржать над чем-нибудь, как обычно.

Кира слабо улыбнулась, чувствуя, как немного отпускает то напряжение, что сковало плечи с самого начала ссоры. Последним, спустя ещё несколько минут, подошёл Игорь — уже без прежней бутылки, зато с виноватой полуулыбкой, которая выдавала: он успел перекинуться парой слов с Соней и хотел бы, чтобы вечер снова стал таким, каким задумывался.

— Она правда переживает, что перегнула, — тихо сказал он. — Просто гордость не позволяет подойти первой. Ты же её знаешь.

— Знаю, — вздохнула Кира, чувствуя, как усталость смешивается с почти нежным раздражением, какое бывает только по отношению к самым близким людям. — Мы обе хороши.

И тут, будто в подтверждение слов Игоря, из темноты, не глядя ни на кого, к костру подошла сама Соня — молча опустилась на своё прежнее место, всё ещё немного напряжённая, но уже без прежней колючести во взгляде.

— Прости, — сказала она первой, разглядывая пламя, будто ей было легче произнести это, не глядя Кире в глаза. — Я знаю, что ты не отказываешь мне назло. Просто иногда мне кажется, что все вокруг куда-то торопятся с жизнью, а я одна застряла на месте, и это... в общем, это не про тебя было, а про меня.

— Прости и ты меня, — так же тихо ответила Кира, чувствуя, как в груди становится легче — гораздо легче, чем от любых оправданий насчёт расписания пересдач. — Я не должна была срываться. Ты права, я правда иногда прячусь за формулировками, лишь бы не брать на себя лишнее. Но с тобой я поеду. В понедельник. Обещаю уже сейчас, без всяких «я подумаю».

Соня благодарно улыбнулась, и между ними в один миг растаяло всё то неловкое напряжение, что повисло над поляной последние двадцать минут, — а вместе с ним, кажется, растаяла и часть той тяжести, что копилась в Кире весь этот вымотанный сессией месяц.

Разговор тем временем перетёк в привычное русло — все пятеро снова собрались тесным кругом у костра, кто-то вспоминал последнюю сессию, кто-то строил планы на лето, Артём в очередной раз доказывал, что путешествие автостопом — это не сумасшествие, а «единственный честный способ увидеть мир», а Соня, всё ещё немного смущённая недавней ссорой, старательно смеялась над каждой его шуткой чуть громче обычного, будто хотела наверстать упущенное за эти двадцать минут раздора.

Никто из них не заметил, как воздух над поляной, чуть в стороне от костра, начал мерцать — едва уловимо, почти неотличимо от игры теней, будто кто-то протёр стекло между мирами и забыл вытереть разводы.

— Смотрите, — тихо сказала Соня, поднимаясь со стула так резко, что он опрокинулся.

Все обернулись одновременно. Мерцание уже нельзя было списать на игру света: воздух в паре метров от них сложился, как нагретое марево над асфальтом, только не размывал контуры, а, наоборот, будто прорезал в пространстве аккуратную щель — с рваными, светящимися синеватым краями.

— Это что за фигня, — севшим голосом сказал вернувшийся с углями Игорь, замерев на полпути к костру.

Свет — холодный, ровный, ничем не похожий на пламя костра, — стремительно ширился, затягивая в себя пространство поляны, как воронка затягивает воду в сливе. Кира почувствовала, как по коже пробежала волна мурашек, не имеющая никакого отношения к вечерней прохладе, и инстинктивно шагнула ближе к остальным — туда же, ближе к Соне, будто недавнее примирение вдруг стало важнее всего на свете перед лицом того, что разворачивалось перед ними.

— Отходим! — закричал Артём, вскакивая на ноги, и в голосе его, обычно уверенном до самоуверенности, впервые за весь вечер прозвучал неприкрытый, почти детский страх. Но было поздно.

Воронка дёрнулась, будто выдохнула, и рванулась вперёд — не к ним, а вокруг них, одним движением очертив всю компанию разом. Кира успела схватить Максима за рукав куртки, услышала, как вскрикнула Соня — тот самый крик, что мгновение назад был обидой, а теперь стал чистым, животным ужасом, — увидела, как Игорь роняет в траву пакет с углями, потянулась к нему свободной рукой, будто это могло что-то изменить, — а потом мир вокруг просто исчез, будто кто-то одним движением стянул со стола скатерть вместе со всей посудой.

Не было ни падения, ни полёта — только короткое, тошнотворное ощущение, будто всё тело вывернули наизнанку и тут же вернули обратно, а где-то в этом безумном вихре Кира успела почувствовать, как чужие пальцы — кажется, Сонины — вцепились в её ладонь с такой силой, будто это единственное, что удерживало обеих от того, чтобы окончательно раствориться в этой немыслимой пустоте, — а потом наступила тишина, куда более глубокая, чем любая тишина леса, к которой Кира привыкла.

Когда всё закончилось, под ногами была не трава, а мокрый, холодный камень. Костра не было — не осталось даже запаха дыма. Над головой висело небо двух цветов сразу: светлое, почти обычное на востоке, и тревожно-багровое, будто вечно горящее на закате, — на западе, там, где горизонт перечёркивала длинная чёрная гряда, похожая на застарелый шрам, который так и не затянулся до конца.

Соня всё ещё сжимала руку Кире так крепко, что пальцы начинали неметь, и, обернувшись, Кира увидела на её лице то же самое ошеломлённое, растерянное выражение, какое, вероятно, застыло и на её собственном, — а вместе с ним нечто ещё, куда более трогательное: недавняя ссора, недавняя обида, всё это в одно мгновение показалось таким невыносимо мел-

ким и незначительным перед лицом того, что произошло, что обе они, не сговариваясь, лишь крепче стиснули друг другу руки, будто заново, без единого слова, скрепляя дружбу, которую едва не разрушили из-за пустяка.

— Это не наш лес, — прошептал Игорь, крутясь на месте, и голос его дрожал куда сильнее, чем позволяла обычная его бравада.

— Это вообще не лес, — тихо поправила Соня, глядя себе под ноги, на растрескавшиеся каменные плиты, поросшие мхом только в стыках, будто по ним когда-то очень давно кто-то ходил, а потом перестал.

Глава 2

Час, проведённый на месте, там, где их выбросило порталом, ощущался как вечность.

Сначала все пятеро кричали — звали друг друга, звали хоть кого-нибудь, надеясь, что это розыгрыш, спецэффект, странный сон после слишком тяжёлого вечера. Потом кричать перестали, потому что каждый крик тонул в шуме леса — а лес здесь звучал неправильно: ни одной знакомой птицы, ни одного знакомого шороха, только низкий, ровный гул, будто где-то очень далеко работал невидимый механизм.

— Может, это фестиваль какой-нибудь, — предположил Игорь без особой уверенности, обнимая себя за плечи. — Реконструкторы. Декорации.

— Декорации не пахнут гарью за десять километров, — тихо возразила Кира.

Она была права: ветер время от времени приносил едкий, тревожный запах — не костра, а чего-то большего, будто горело что-то, чему гореть не полагалось. Артём молча снял куртку и отдал Соне, которая тряслась то ли от холода, то ли от страха; Максим пытался поймать хоть какую-то связь на телефоне, хотя все давно понимали, что это бесполезно.

Стемнело быстро — здесь темнота приходила иначе, гуще, будто ночь в этом мире была не отсутствием света, а отдельной, самостоятельной субстанцией. Друзья сбились в тесный круг спиной к спине, когда лес вокруг наполнился звуком копыт.

Сначала — далёкий, глухой стук, который они приняли за собственное сердцебиение. Потом — ближе, отчётливей, ровный ритм, слишком уверенный для дикого зверя.

— Тихо, — шепнул Артём, хотя никто и не думал говорить.

Из тумана, стелившегося низко над тропой, выступила фигура — сначала силуэт коня, огромного, тёмного, с гривой, заплетённой в тугие косы, потом всадник: тёмный плащ поверх тяжёлых доспехов, лицо, пересечённое старым шрамом от виска до скулы, который не портил его, а будто довершал — как подпись под уже готовой картиной. Он остановил коня в паре шагов от группы и замер, изучая их с той спокойной внимательностью, с какой смотрят не на людей, а на неожиданную проблему в привычном ландшафте.

— Стоять, — произнёс он.

Слово прозвучало не на русском — и всё же каждый из пятерых понял его так ясно, будто оно было сказано на родном языке. Позже они не раз будут пытаться объяснить друг другу этот момент и так и не найдут слов.

— Кто вы, — продолжил всадник, — и как вы оказались на пограничном разъезде в такой час?

Артём шагнул вперёд, вставая между всадником и девушками — жест, который в другой ситуации выглядел бы нелепо, а здесь оказался единственно правильным.

— Мы не знаем, — выдавил он. — Честно. Мы были у костра, в своём лесу, и вдруг — свет, портал какой-то, и вот мы здесь. Мы не понимаем, где это «здесь».

Всадник молчал несколько секунд дольше, чем требовалось для простого недоверия. Затем спешился — одним слитным движением, без лишнего шума, — и медленно обошёл их по кругу, будто не пересчитывал головы, а взвешивал в уме, во сколько ему обойдётся эта находка.

— Портал, — повторил он, ни к кому не обращаясь. — Стихийный переход. Час от часу не легче.

— Простите, — тихо сказала Соня, — а вы... вы кто?

— Дарий, — коротко ответил он, не отрывая взгляда от группы. — Комендант этого разъезда. И, судя по всему, теперь ещё и ваша единственная защита от всего, что бродит здесь по ночам.

Он снова обошёл их — и на этот раз остановился напротив Киры на мгновение дольше, чем перед остальными. Что-то дрогнуло в его лице: едва заметная тень, будто по спокойной воде на секунду пробежала рябь. Он тут же взял себя в руки — слишком быстро, слишком отработанно для человека, которого просто удивили, — и отвёл взгляд первым.

— Держитесь ближе друг к другу, — сказал он, уже отворачиваясь. — И не отходите от тропы. Здесь, за пределами света костров, водится то, чему в ваших сказках самое место — а мы, к сожалению, не в сказке.

— Что значит «водится»? — напрягся Максим.

— Значит, что вам повезло, что нашёл вас я, а не патруль исчадий, — ровно ответил Дарий, свистом подзывая ещё двух коней, стоявших чуть поодаль в тени деревьев. — Раз в порталах и мирах вы не разбираетесь, буду краток. Есть Астерия — город на границе. Есть Пустошь — то, что за границей, и то, что оттуда лезет. И есть война между первым и вторым, которая идёт дольше, чем живут ваши деды.

— И мы, получается, оказались прямо посреди этого, — пробормотал Игорь.

— Получается, да, — Дарий впервые за разговор позволил себе что-то похожее на сухую усмешку. — Добро пожаловать.

Он помог Соне взобраться на одного из коней — она вцепилась в поводья так, будто от этого зависела её жизнь, — потом кивнул парням садиться по двое. Кире он придержал стремя молча, не глядя ей в глаза, хотя она стояла к нему ближе всех.

— А что будет с нами дальше? — спросила она, когда он наконец поднял на неё взгляд.

Секунду он смотрел на неё так, будто хотел сказать что-то совсем другое, не имеющее отношения к вопросу.

— Дальше вы поедете со мной в Астерию, — ответил он вместо этого, ровным голосом человека, привыкшего скрывать больше, чем говорить. — Там решим, что с вами делать. И советую привыкнуть заранее: здесь идёт война, и чудеса из других миров никого не удивляют так, как вам, возможно, кажется.

— Война? — переспросила Соня, и голос у неё сел.

— Война, — кивнул Дарий, вскакивая в седло. — С границей. С тем, что за ней. Но это, — он на мгновение снова задержал взгляд на Кире и тут же отвёл его, — не ваша забота. Пока не ваша.

Он тронул коня первым, не дожидаясь вопросов, которые, он знал, только начинали копиться. Кира смотрела ему в спину всю дорогу до первых городских огней — и не могла отделаться от ощущения, что он старательно, до боли старательно её не замечает. А в этой старательности, она уже тогда чувствовала, было спрятано куда больше, чем в любом прямом взгляде.

Глава 3

Дорога до Астерии заняла остаток дня.

Сначала ехали лесом — тем самым, где туман так и не рассеялся до конца, цепляясь за низкие ветви, будто не хотел отпускать чужаков обратно в мир людей. Потом лес расступился, и перед ними открылась долина: выжженная местами трава, воронки от старых обстрелов, поросшие уже новой зеленью, редкие сторожевые башни на холмах, выставленные, как шахматные фигуры, в сторону далёкой чёрной гряды на западе. Кира то и дело ловила взглядом эти башни — маленькие, почти игрушечные издалека, и понимала, что ни одна из них не построена ради красоты.

— Это всё — граница? — спросил Максим, кивая на гряду, и голос его прозвучал тише, чем обычно, — будто сам масштаб увиденного придавил его к седлу сильнее, чем усталость от долгой скачки.

— Это её тень, — коротко ответил Дарий, не оборачиваясь. — До самой границы отсюда ещё три дня пути верхом. То, что вы видите, — просто напоминание, чтобы никто в Астерии не забывал, зачем город вообще стоит именно здесь.

Разговоров больше почти не было — ехали в молчании, каждый пытался как-то уложить в голове то, что происходило: Артём хмуро разглядывал доспехи Дария, будто прикидывая, сможет ли выдержать такой же вес; Игорь то и дело сверял направление по солнцу, привычка, оставшаяся с уроков ОБЖ, бесполезная здесь, но успокаивающая; Соня держалась за Артёма спереди себя и молчала, зажмурившись всякий раз, когда конь оступался на камнях, — а иногда, в короткие моменты, когда страх немного отпускал, ловила взгляд Киры и слабо, неуверенно улыбалась ей, будто хотела лишний раз убедиться, что их недавнее примирение у костра всё ещё держится, несмотря на весь этот кошмар, обрушившийся на них следом. Кира смотрела на затылок Дария и пыталась понять, почему тот за всю дорогу ни разу не заговорил с ней напрямую — хотя с остальными перекидывался хотя бы парой фраз, коротких, но вежливых.

Город открылся им внезапно — за поворотом ущелья, будто вырубленный прямо в скале. Астерия поднималась уступами, ярус за ярусом: нижний, тёмный от старой копоти, весь в переплетении торговых рядов и жилых кварталов; средний — с широкими улицами, казармами и шпилями Академии, различимыми даже издалека; и верхний, куда взгляд скользил дольше всего, — крепость на самой вершине скалы, с флагом, который не удавалось разглядеть на таком расстоянии, но который явно значил здесь очень многое. Стены города были испещрены шрамами — не декоративной резьбой, а следами настоящих осад: где-то камень был грубо залатан, где-то так и остался щербатым, будто город намеренно не стирал память о том, что пережил.

— Дом, — коротко сказал Дарий, и в этом единственном слове прозвучало что-то, чего не было слышно в его голосе прежде — не гордость, скорее усталая привязанность человека, который слишком много раз чуть не потерял это место, чтобы говорить о нём легко.

Ворота — тяжёлые, окованные железом, с полустёршимися от времени рунами по краю — раскрылись перед ними, пропуская сначала стражу, узнавшую коменданта издалека, потом всадников. Внутри город оказался куда более живым, чем можно было представить по мрачным стенам снаружи: пахло хлебом и дымом, кто-то кричал, торгуясь на рынке, дети, куда более закалённые войной, чем дети из мира Киры, гоняли самодельный мяч прямо у стен казарм, не обращая внимания на патрули. Жизнь здесь не остановилась из-за войны — она просто научилась течь рядом с ней, как река рядом со старым руслом.

Дарий вёл коня медленно по узким улочкам, то и дело поглядывая через плечо на своих неожиданных подопечных — но взгляд его снова и снова, будто против воли, соскальзывал к одной точке в группе: к тёмным волосам, к упрямому развороту плеч, к тому, как Кира

держала спину прямо, даже устав от долгой дороги. Каждый раз он тут же отводил глаза, точно обжигался о собственную память.

«Не может быть, — думал он, в который уже раз за день. — Просто похожа. Мир велик, лица повторяются, это ничего не значит».

Он повторял себе это, наверное, в десятый раз, когда они проезжали мимо фонтана на главной площади — старого, потрескавшегося, но всё ещё работающего, с полустёршейся фигурой женщины в центре, — и не верил себе ни на секунду. Он знал это лицо. Знал так, как знают то, что снится годами и никогда до конца не забывается: разлёт бровей, упрямую складку у губ, привычку чуть склонять голову набок, когда что-то не даёт покоя. Он видел это лицо в последний раз много веков назад — и видел его мёртвым, в свете совсем других факелов, в совсем другой тишине.

Он остановил коня у развилки, где одна дорога вела вверх, к казармам Академии, а другая — вниз, к скромному зданию с высокими узкими окнами, за стеклом которых даже сейчас, в сумерках, теплился свет — библиотека.

— Люцифер сейчас на границе, — произнёс он вслух, скорее для себя, чем для спутников, и в голосе его послышалось что-то похожее на облегчение. — Это к лучшему. У меня есть время.

— Время для чего? — не поняла Кира, останавливая коня рядом с его.

Дарий посмотрел на неё — теперь уже прямо, не пряча взгляда, впервые за весь день, — и во взгляде этом было столько всего разом: узнавание, вина, страх и что-то похожее на сожаление наперёд, — что она невольно попятилась в седле.

— Время, чтобы решить, что с вами делать, — ответил он ровно, беря себя в руки. Он повернулся к остальным. — Ваших друзей я отправлю в Академию Стражей. Там их научат защищать себя и город, там от них будет польза — и там, что немаловажно, они будут в относительной безопасности.

— А я? — тихо спросила Кира, уже почти зная, каким будет ответ, — по тому, как он снова, в который раз, отвёл глаза.

— А ты пойдёшь в библиотеку, — сказал Дарий, кивая в сторону здания с узкими окнами. — Магистру Орену давно не помешали бы лишние руки.

Несколько секунд на площади стояла тишина — та самая, обманчивая тишина, что бывает перед тем, как что-то неминуемо взорвётся, — а затем взорвалось сразу со всех сторон.

— Нет, — резко сказал Артём, разворачивая коня так, чтобы оказаться прямо напротив Дария. — Нет, вот тут вы, простите, ошиблись. Мы никуда не разъезжаемся. Мы уже потеряли дом, свой мир, всё, что было привычным, — и вы хотите, чтобы мы вдобавок ко всему потеряли ещё и друг друга?

— Артём прав, — тут же поддержал его Максим, и в голосе его, обычно спокойном, впервые за день прорезалась настоящая, неприкрытая злость. — Мы пятеро — всё, что у нас осталось от прежней жизни. Вы не имеете права нас разделять просто потому, что вам так удобнее.

— Особенно её, — добавил Игорь, кивая на Киру с той решительностью, что удивила даже его самого. — Почему именно Киру — отдельно? Что происходит? Мы имеем право знать, раз уж вы решаете за нас, как жить дальше в вашем мире.

Соня, до этого молчавшая, судорожно вцепилась в рукав Кириной куртки, будто одним этим жестом могла помешать любому разделению.

— Я никуда её не отпущу одну, — тихо, но твёрдо сказала она, и в голосе её прозвучало то же упрямство, что двигало ею во время вчерашней ссоры у костра — только теперь оно было направлено не против Киры, а целиком в её защиту. — Мы обещали друг другу держаться вместе. Мы только что чуть не потеряли всё — я не позволю, чтобы нас теперь растащили по разным углам вашего города, будто мы багаж, который распределяют по полкам.

Дарий слушал их, не перебивая, и по мере того как голоса нарастали, лицо его становилось всё более непроницаемым — той особой, отработанной веками маской человека, привыкшего командовать войсками, а не спорить с растерянными подростками из другого мира. Когда Соня закончила, он выждал короткую паузу, а затем заговорил — тихо, но так, что каждое слово будто придавливало площадь к земле весом собственной неотвратимости.

— Вы правы в одном, — сказал он. — Я действительно решаю за вас. Не потому, что мне так удобнее, а потому, что я комендант этого города, и любое решение, касающееся пятерых чужаков, появившихся из ниоткуда посреди активной войны, — это моя прямая обязанность, а не вопрос для голосования. Вы оказались в мире, где прорывы границы убивают десятками, где каждый человек либо приносит пользу, либо становится обузой, которую приходится защищать ценой чужих жизней. Я могу поселить вас всех вместе, если вам так спокойнее, — но тогда, при первом же серьёзном прорыве, вы все умрёте вместе, потому что ни один из вас не будет знать, как за себя постоять. Или вы можете разойтись туда, где вам действительно помогут выжить — Академия даст вашим друзьям оружие и умение им пользоваться, библиотека даст Кире знание, которое, подозреваю, понадобится ей куда быстрее, чем любому из вас меч. Выбор за вами. Но если вы выберете держаться вместе назло здравому смыслу — я не стану впредь тратить людей и время города на то, чтобы вытаскивать вас из передраг, в которые вы неминуемо влезете сами. Решайте быстро. У меня нет ни минуты на уговоры.

Слова его повисли над площадью, тяжёлые и холодные, как сама крепость на вершине скалы, и Кира почувствовала, как её друзья, один за другим, сникают под этой спокойной, непреклонной угрозой куда быстрее, чем от любого крика.

— Он ведь не шутит, — тихо сказал Максим, обменявшись взглядом с Артёмом.

— Конечно не шутит, — так же тихо ответил тот, и вся его недавняя решимость сдулась, сменившись куда более трезвой, взрослой тревогой. — Посмотри на этот город. Здесь не шутят такими вещами.

Соня всё ещё держала Киру за рукав, но хватка её ослабла, а в глазах вместо прежней решимости появилось загнанное, беспомощное отчаяние человека, понимающего, что бороться дальше — значит рисковать не только собой.

— Кира, — прошептала она, — я не хочу, чтобы тебя куда-то отправляли одну...

— Я знаю, — так же тихо ответила Кира, чувствуя, как в груди одновременно поднимаются благодарность за эту преданность и совершенно иное, куда более взрослое понимание: спорить с человеком, который только что абсолютно спокойно, без единой эмоции в голосе, обрисовал им цену собственного упрямства, — не просто бесполезно, а по-настоящему опасно. — Но он прав. Мы ничего не знаем об этом мире. Если с кем-то из вас что-то случится, потому что я хотела, чтобы мы обязательно держались вместе, — я себе этого никогда не прощу.

Она обвела взглядом всех четверых — Максима, тихо кивнувшего в знак согласия ещё до того, как она договорила; Артёма, всё ещё хмурого, но уже явно смирившегося; Игоря, отвернувшегося к городу, будто ему было слишком тяжело смотреть на неё в этот момент; и, наконец, Соню, чьи пальцы наконец разжались на рукаве её куртки.

— Хорошо, — сказала Соня едва слышно. — Но обещай, что мы будем видеться. Что это не значит — навсегда порознь.

— Академия и библиотека находятся в одном городе, — впервые за весь разговор, будто снисходя, вставил Дарий, и в тоне его прозвучало нечто похожее на едва уловимое смягчение, — не на разных континентах. Никто не запрещает вам видеться в свободные часы, если, конечно, вы их заслужите усердной учёбой.

Это короткое, почти неохотное уточнение будто разрядило воздух над площадью — не до конца, но достаточно, чтобы Максим устало улыбнулся, а Игорь, обернувшись, наконец кивнул в знак того, что принимает неизбежное.

— Хорошо, — сказал Артём за всех, и в голосе его, хоть и звучала капитуляция, не было уже прежней злости — только усталое, взрослое смирение перед миром, который, очевидно, не собирался спрашивать их мнения. — Академия так Академия. Но если с кем-то из нас случится беда, а с ней рядом не будет никого, — он посмотрел на Дария в упор, — я лично приду спрашивать, почему.

Дарий выдержал этот взгляд без единой тени раздражения — скорее с чем-то похожим на уважение к этой последней, отчаянной попытке отстоять хотя бы подобие контроля над собственной судьбой.

— Договорились, — коротко сказал он и развернул коня к развилке.

— А ты пойдёшь в библиотеку, — повторил он, обращаясь снова к Кире, и в голосе его прежняя твёрдость на мгновение дрогнула, сменившись почти извиняющейся интонацией. — Магистру Орену давно не помешали бы лишние руки. Постарайся первое время не задавать лишних вопросов. Пока.

— Почему «пока»? — тут же спросила она. — Почему я — отдельно от всех? Что вы во мне такого увидели, чего не видите в них?

Он не ответил сразу. Долгую секунду смотрел на неё так, будто взвешивал, сколько правды можно сказать, не разрушив ничего важного прямо здесь, посреди площади, у старого фонтана.

— Увидел человека, которому лучше пока держаться подальше от казарм и от границы, — сказал он наконец, и это была не вся правда, и оба это понимали. — Устраивайся. Отдыхай. У тебя ещё будет время для вопросов.

Он развернул коня прежде, чем она успела спросить что-то ещё — прежде, чем успела заметить, как дрогнула его рука на поводьях, когда он в последний раз, уже отворачиваясь, позволил себе на секунду задержать на ней взгляд.

Глава 4

Академия Стражей встретила их гулом голосов, лязгом учебных клинков и запахом пота, кожи и металла — запахом места, где о войне не говорят, а живут ею каждый день. Даже воздух здесь казался другим — плотным, наэлектризованным, будто пропитанным напряжением сотен людей, каждый день готовящихся к тому, что где-то на границе завтра снова не хватит рук.

Дарий довёл всю компанию до внутреннего двора, огороженного каменными галереями, где отряды курсантов отрабатывали связки ударов под окрики наставников. Кира невольно поймала себя на том, что смотрит на этих курсантов — совсем молодых, кто-то, кажется, даже младше её самой, — с тем же самым выражением, какое, должно быть, читалось сейчас на лицах её собственных друзей: смесь ужаса и зачарованности перед миром, в котором учебный клинок в руках подростка был не спортивным инвентарём, а вопросом выживания.

Один из курсантов, пропустив удар, полетел на землю с глухим стуком, и наставник, не церемонясь, рывкнул на него так, что даже Игорь вздрогнул рядом с Киру.

— Поднимайся, — коротко бросил Дарий, не слезая с коня, подбежавшему офицеру — молодому, но уже с тем же характерным прищуром человека, привыкшего оценивать новобранцев с первого взгляда, будто товар на рынке.

— Это они? — офицер обвёл взглядом Артёма, Максима, Игоря и Соню без особого удивления, будто чужаки из другого мира появлялись здесь не реже, чем неурожай. — Все четверо?

— Все четверо, — подтвердил Дарий. — Разместить, накормить, завтра — на общий отбор, как обычных новобранцев. Никаких поблажек и никаких особых расспросов, пока я не скажу иначе.

— А она? — офицер кивнул на Киру, задержавшуюся чуть позади остальных, и в голосе его прозвучало неприкрытое любопытство — будто он уже понял, что дело нечисто, но не собиравшись спрашивать вслух.

— Она — не с вами, — коротко ответил Дарий, и что-то в его тоне заставило офицера не переспрашивать дважды, лишь коротко кивнуть и отступить в сторону.

Соня наконец не выдержала и первой шагнула к ней — обнять, сказать хоть что-то ободряющее, — но объятие вышло скомканным, коротким: их уже разводили в разные стороны, офицер подгонял парней к казарменному крылу жестом, не терпящим промедления, а сама Соня то и дело оглядывалась через плечо, будто чувствовала себя виноватой в том, что уходит, оставляя Киру одну на этом чужом, гулком дворе.

— Ты как? — прошептала Соня ей на ухо в те секунды объятия, что у них ещё оставались. — Правда как?

— Не знаю, — так же тихо призналась Кира, чувствуя, как к глазам подступают слёзы, которые она изо всех сил старалась сдержать хотя бы до тех пор, пока друзья не скроются за дверьми казармы. — Но со мной всё будет в порядке. Идите. Я справлюсь.

— Мы найдём тебя, как только сможем, — крикнул Артём напоследок, прежде чем массивные, окованные железом двери казармы поглотили всю четвёрку, и звук их шагов растворился в общем гуле двора так быстро, что Кире на мгновение показалось, будто их не было здесь вовсе — будто она вообразила себе и костёр, и ссору, и примирение, и портал, а на самом деле всегда была здесь одна.

Кира осталась одна посреди двора — одна, если не считать Дария, который наконец спешился и теперь стоял рядом, старательно глядя куда-то поверх её головы, будто прямой взгляд на неё стоил ему какого-то невидимого усилия. Она обхватила себя руками, чувствуя, как вечерняя прохлада наконец добралась и до неё, — а может быть, дело было вовсе не в

прохладе, а в той внезапной, оглушительной пустоте, что наступает, когда рядом впервые за долгий, страшный день не остаётся ни одного знакомого лица.

— Может, объясните мне хоть что-нибудь? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал, хотя получалось это плохо. — Почему я — отдельно? Что со мной не так?

— С тобой всё так, — ответил он после паузы, которая показалась ей бесконечной, и в этой короткой фразе прозвучало нечто, чего она пока не могла разгадать — не то сожаление, не то тщательно скрываемое благоговение. — Возможно, даже слишком так. Пойдём, магистр Орен ждать не любит.

Он повёл её вниз, через узкую улочку, мощённую тем же треснувшим камнем, что и главная площадь, туда, где вечерний город постепенно затихал, сменяя дневной гул рынков негромким потрескиванием масляных фонарей и редкими голосами припозднившихся прохожих. Кира шла рядом с Дарием молча, слишком опустошённая, чтобы искать новые вопросы, — просто смотрела по сторонам, на чужие лица, чужие вывески, чужой, совсем не праздничный уют этого настороженного, привыкшего к войне города, и чувствовала, как где-то глубоко внутри неё зреет тупая, разрастающаяся тревога: что, если она никогда не увидит ничего из того, к чему привыкла? Что, если этот город с его шрамами на стенах — теперь единственное, что у неё осталось?

Библиотека — скромное здание с высокими узкими окнами, свет в которых, казалось, не гас никогда, — показалась ей неожиданно уютной на фоне всего пережитого: тёплый, желтоватый свет, пробивавшийся сквозь мутноватое от старости стекло, выглядел почти домашним, почти обещающим покой. У самого входа Дарий остановился, будто хотел сказать что-то ещё — Кира заметила, как дрогнули его губы, будто он собирался наконец объяснить хоть что-нибудь, — но вместо этого он лишь коротко стукнул в тяжёлую дверь костяшками пальцев, явно передумав в последний момент.

— Магистр, — позвал он. — К вам пополнение.

Дверь отворилась не сразу — сначала послышалось шарканье, недовольное бормотание, звук отодвигаемого засова, отчего Кира невольно улыбнулась, впервые за весь этот долгий, страшный день почувствовав что-то похожее на нормальность: ворчливый хозяин дома, не любящий, когда его беспокоят по вечерам, — вещь до странности узнаваемая даже здесь, в мире порталов и границ. Наконец дверь открылась, и на пороге возник сухошавый старик с седой бородой, заплетённой в тонкую косу, и взглядом настолько цепким, что Кира невольно поёжилась, будто её успели раздеть до костей одним этим взглядом.

— Пополнение, значит, — протянул магистр Орен, оглядывая её с ног до головы без малейшей попытки скрыть недовольство, а затем задержавшись взглядом на её лице чуть дольше, чем того требовала простая оценка новой помощницы — задержавшись с тем же самым выражением, какое Кира уже видела на лице Дария у фонтана: узнавание, тщательно спрятанное под ворчливостью. — Ты хоть читать умеешь на нашем языке, дитя?

— Я... не знаю, — растерялась Кира, чувствуя, как усталость последних часов внезапно навалилась на неё с новой силой, стоило хоть на секунду остановиться и перевести дыхание. — Я даже не знала, что говорю на нём, пока час назад не начала.

Магистр хмыкнул — звук получился одновременно скептическим и слегка заинтересованным, будто эта растерянность в её голосе задела в нём что-то, помимо профессионального любопытства библиотекаря, — и повернулся к Дарию.

— Надолго она у меня?

— Пока не решим иначе, — ответил тот. — Присмотри за ней. Внимательнее, чем обычно.

Последние слова он произнёс тише, почти шёпотом, но Кира всё равно расслышала — и по тому, как дрогнули брови старика, по тому, как быстро, почти воровато метнулся его взгляд обратно к её лицу, будто он хотел убедиться, что не ослышался, поняла, что это не просто

просьба о вежливости к новенькой, а нечто куда более весомое, произнесённое между двумя людьми, явно понимающими друг друга без лишних объяснений.

— Хорошо, — сказал магистр после паузы, глядя на Дария с прищуром, в котором читался целый ворох невысказанных вопросов, готовых сорваться с языка в любую секунду, стоило Кире отвернуться. — Заходи, дитя. Обувь не пачкай, пол я мою сам, и делаю это редко.

Тепло, пахнущее старой бумагой, пылью и чем-то смутно похожим на воск, обволокло её, стоило переступить порог, — и на мгновение, всего на одно короткое мгновение, ей вдруг стало почти спокойно, будто сам этот запах, такой знакомый по родной университетской библиотеке, протянул тонкую, невидимую нить между этим чужим миром и тем, что она потеряла сегодня вечером у костра.

Дарий развернулся, чтобы уйти, — и Кира, не удержавшись, окликнула его в последний раз, чувствуя, как голос предательски садится:

— Вы хотя бы скажете, когда я снова увижу друзей?

Он замер спиной к ней на пару секунд — секунд, показавшихся ей неестественно долгими, будто он в этот момент боролся с чем-то внутри себя, что мешало ему просто повернуться и ответить прямо.

— Скоро, — ответил он, не оборачиваясь, и в этом единственном слове ей почудилась не столько уверенность, сколько отчаянная надежда самого Дария на то, что оно окажется правдой. — Насколько это будет возможно.

И ушёл, оставив её одну на пороге библиотеки — единственную из пятерых, кого мир, в который они все вместе провалились, решил забрать себе первой, — и Кира, глядя ему вслед, вдруг почувствовала, как всё то, что она держала в себе весь этот долгий, немыслимый день — страх, ссору, примирение, портал, дорогу, расставание с друзьями, — разом подступило к горлу тугим, невыносимым комом, и она едва успела зажмуриться, прежде чем магистр Орен, наблюдавший за ней с порога с неожиданно смягчившимся выражением лица, тихо произнёс:

— Ну будет, будет тебе. Заходи внутрь, дитя. Слезы — они лучше при закрытых дверях, чем на пороге, где любой прохожий может решить, что у меня в библиотеке кого-то обижают.

И этот неожиданно тёплый, ворчливый тон — куда более человеческий, чем любые вежливые формальности, — стал первой маленькой, почти незаметной трещинкой в той стене одиночества, что выросла вокруг Киры за последние несколько часов, и она, всё ещё дрожа, шагнула внутрь, туда, где её ждал новый, совсем не такой, каким она себе представляла, дом.

Глава 5

Внутри библиотека оказалась куда больше, чем можно было представить по скромному фасаду: залы уходили вглубь скалы ярусами, соединённые винтовыми лестницами и узкими мостками, а стеллажи поднимались так высоко, что верхние полки терялись в полумраке, куда не доставал свет ни одной из многочисленных ламп. Воздух здесь был плотным, почти осязаемым — смесь запаха старой бумаги, воска и чего-то ещё, чему Кира не могла подобрать названия, будто под слоем пыли веками копилось само время, спрессованное в тысячи страниц. Где-то в глубине этого каменного лабиринта капала вода, отдаваясь гулким, тягучим эхом, и Кира, задирая голову, пыталась разглядеть, где заканчиваются полки и начинается сама скала, — но взгляд тонул в темноте задолго до того, как находил ответ.

— Спальня — там, — магистр Орен махнул рукой в сторону узкой лестницы, ведущей вниз, даже не оборачиваясь на Киру, и голос его гулко разнёсся между стеллажами, спугнув откуда-то сверху шорох, похожий на крылья ночной птицы. — Работа начинается на рассвете, заканчивается, когда я скажу, что закончена. Библиотека не терпит опозданий и не прощает грязных рук на страницах.

— А что я вообще должна делать? — спросила Кира, стараясь не отставать от его быстрого, несмотря на возраст, шага, и чувствуя, как каждый её шаг отдаётся неприлично громким эхом на фоне тишины, царившей в этих залах, — будто библиотека сама возмущалась вторжением чужого, неуверенного звука.

— То, что скажут, — отрезал он, не оборачиваясь. — Разбирать, подшивать, переносить, стирать пыль там, где я укажу. Ничего сложного для того, кто умеет слушать.

Комната, отведённая ей, оказалась крошечной каморкой под самой нижней лестницей — узкая кровать, застеленная грубым, но чистым покрывалом, деревянный таз для умывания, огарок свечи в жестяном подсвечнике и одно-единственное, почти игрушечное окошко под самым потолком, сквозь которое утром пробивалась узкая полоска света. Кира легла в ту ночь не раздеваясь, слишком измученная, чтобы думать о чём-то, кроме того, как гулко колотится в груди собственное сердце в этой каменной тишине, — и уснула, кажется, ещё до того, как успела додумать хоть одну связную мысль.

Первое утро началось задолго до рассвета — с холодной воды вместо умывания, обжёгшей руки до самых костей и разом прогнавшей остатки сна, с куском чёрствого хлеба вместо завтрака, который она жевала, сидя на краю узкой кровати и чувствуя себя куда более потерянной, чем накануне вечером, и с длинного списка полок, которые следовало разобрать до полудня, — список этот оказался написан незнакомыми, витиеватыми символами, которые она, к собственному изумлению, прочитала без малейшего труда, будто знала этот язык всю жизнь, просто забыла об этом до сегодняшнего утра.

Помощница библиотекаря, немолодая женщина по имени Веста — сухая, с туго стянутыми в узел седеющими волосами и руками, покрытыми въевшимися чернильными пятнами, — показала ей основы работы сухо, без единого лишнего слова, будто выполняла неприятную повинность, а не обучала новенькую. Она двигалась между стеллажами с той уверенной, почти механической быстротой человека, прошедшего в этих стенах не один десяток лет, и каждое её движение — снять свиток, развернуть, оценить состояние переплёта одним быстрым взглядом, поставить обратно — казалось Кире маленьким священнодействием, смысла которого она пока не понимала.

— Не задерживайся у стеллажей с синей меткой, — предупредила Веста, кивнув на дальний угол зала, отгороженный низкой цепью, за которой темнота казалась гуще, чем где-либо ещё в этом и без того сумрачном помещении. — Это не для тебя.

— Почему? — не удержалась Кира, чувствуя, как любопытство на мгновение пересиливает усталость.

— Потому что магистр так сказал, — отрезала Веста тоном, не терпящим продолжения разговора, и вернулась к своим делам с той же сухой методичностью, оставив Киру наедине с этим глухим, необъяснимым запретом и собственным, разрастающимся раздражением от того, как много всего в этом мире решалось «потому что кто-то так сказал», без единого объяснения для неё самой.

День тянулся медленно — куда медленнее, чем любой из университетских дней, к которым она привыкла. Кира разбирала свитки, стирала пыль с обложек, ощущая под пальцами шершавую, потрескавшуюся от времени кожу переплётов, вслушивалась в редкие разговоры сотрудников библиотеки — тех немногих, кто здесь работал, — но те, стоило ей приблизиться хотя бы на несколько шагов, либо замолкали вовсе, либо переходили на приглушённый шёпот, от которого у неё каждый раз неприятно сжималось внутри что-то тревожное и одинокое. Она ловила на себе быстрые, оценивающие взгляды — не враждебные, но настороженные, будто на неё смотрели как на нечто хрупкое и одновременно опасное, способное взорваться в любой момент, стоит неправильно повернуться.

К обеду она уже отчётливо чувствовала то самое ощущение, которое преследовало её с момента приезда в Астерию: она здесь не гостья и не пленница — она нечто среднее, что-то, чему пока не придумали название и потому предпочли просто спрятать подальше от чужих глаз, будто неудобный вопрос, который проще не задавать вслух.

Обедала она в одиночестве, на краешке длинного стола в маленькой каморке при кухне, — простой суп, ещё один кусок хлеба, кружка тёплого, слегка горчащего травяного отвара, — и, глядя в пустую тарелку, вдруг с такой силой затосковала по гулу университетской столовой, по глупым шуткам Игоря, по тому, как Соня всегда крала половину её десерта под предлогом «просто попробовать», что к глазам подступили слёзы, которые она заставила себя сморгнуть прежде, чем они успели скатиться по щекам.

— Простите, — обратилась она после обеда к молодому помощнику библиотекаря, разбавившему неподалёку стопку старых, потрёпанных карт, — а почему все так... сторонятся меня?

Парень — кажется, его звали Финн, невысокий, с копной непослушных рыжеватых волос и чернильным пятном на щеке, оставленным, судя по всему, неосторожным движением пера, — оглянулся быстро, будто проверяя, не услышит ли кто, и понизил голос почти до шёпота, наклонившись чуть ближе:

— Никто ничего не говорил в открытую. Просто магистр велел держаться от тебя на расстоянии, пока сам не разберётся, кто ты такая. А магистра тут слушаются даже те, кто ему не подчиняется напрямую, — он снова взгляд метнул через плечо, — и, честно говоря, мне кажется, даже комендант Дарий его слушается в этом вопросе, а такое я видел нечасто.

— А сам ты как думаешь, кто я? — спросила Кира, чувствуя, как в груди что-то сжимается в тревожном, почти отчаянном ожидании хоть какого-то ответа, пусть даже неполного.

Финн посмотрел на неё долгим, оценивающим взглядом — не враждебным, скорее осторожным, как смотрят на что-то, способное оказаться и сокровищем, и опасностью одновременно, и в этом взгляде Кира вдруг увидела не насторожённость чужака, а что-то куда более человеческое — сочувствие, смешанное с собственным, неудовлетворённым любопытством.

— Не знаю, — признался он наконец, понизив голос ещё сильнее. — Но комендант лично привёз тебя сюда и лично попросил магистра присмотреть. За обычных новеньких так не переживают, поверь мне — я видел, как сюда попадали разные люди, но никогда — чтобы сам комендант города оставлял такие распоряжения шёпотом, будто боится, что его подслушают стены.

— А ты не боишься говорить мне всё это?

Он на мгновение замялся, явно взвешивая, не сболтнул ли лишнего, а затем неожиданно слабо улыбнулся — первая настоящая, тёплая улыбка, которую Кира увидела здесь за весь этот долгий, изматывающий день.

— Наверное, немного боюсь, — признался он. — Но ты выглядишь такой потерянной, что мне стало совестно молчать вместе со всеми. Здесь и без того редко кто с кем-то по-настоящему разговаривает — магистр предпочитает тишину, а Веста разговаривает разве что со своими свитками.

Больше он ничего не сказал, вернувшись к своим картам с явным сожалением, будто и сам был бы не прочь продолжить разговор, если бы не боязнь навлечь на себя недовольство магистра, — а Кира так и осталась стоять посреди зала с ощущением, что весь этот огромный, древний город знает о ней что-то, чего не знает она сама, и что это «что-то» пугает их куда больше, чем сама она могла бы предположить, глядя на собственное, совершенно обычное отражение в мутном стекле ближайшего окна.

Вечером, наконец оставшись одна в отведённой ей крошечной комнате под лестницей — с узкой кроватью, тазом для умывания и единственной свечой, чей неровный, дрожащий огонёк отбрасывал на низкий каменный потолок причудливые, ползущие тени, — она долго лежала без сна, глядя в этот потолок и вспоминая, деталь за деталью, лицо Дария в момент, когда он впервые увидел её на разъезде: как дрогнули его губы, как быстро он отвёл взгляд, будто обжёгшись, как назвал её присутствие рядом с собой чем-то, требующим особого, тщательно скрываемого внимания.

Она была почти уверена: то, что промелькнуло тогда в его глазах, не было простым удивлением при виде чужаков из другого мира.

Это было узнавание — глубокое, застарелое, похожее на боль от старой раны, которую заново потревожили одним лишь взглядом, — и, засыпая под этот неровный свет свечи, Кира впервые с момента прибытия в этот мир задала себе вопрос, от которого по коже пробежал холодок, куда более ощутимый, чем любая вечерняя прохлада: а что, если дело не в том, что она напоминает кому-то кого-то из прошлого? Что, если дело в том, что прошлое каким-то немыслимым образом всё ещё живёт в ней самой?

Глава 6

Прошла неделя, прежде чем Кира решилась нарушить главное правило библиотеки.

Неделя эта тянулась медленно и однообразно, размеченная одними и теми же вехами: холодная вода на рассвете, чёрствый хлеб, длинные списки полок, требующих разбора, короткие, настороженные взгляды тех немногих, с кем ей приходилось сталкиваться в узких проходах между стеллажами, и вечера в одиночестве, под неровным светом единственной свечи, — а где-то на самом краю этого унылого распорядка, не отпуская её ни на день, маячила синяя метка на низкой цепи в дальнем углу зала. Сначала это был просто запрет, один из многих непонятных правил чужого мира. Но чем дольше она наблюдала, с какой почти суеверной осторожностью Веста огибала тот угол по широкой дуге, никогда не поднимая туда взгляда дольше, чем на долю секунды, и с каким деланным равнодушием Финн менял тему всякий раз, стоило ей хотя бы упомянуть эти стеллажи, тем сильнее в ней разрасталось не праздное, а почти зудящее, требовательное любопытство — то самое, что в детстве заставляло её открывать шкафы, подписанные родителями «не трогать», просто чтобы понять, что там внутри настолько важного.

Ночью, когда магистр Орен и Веста давно ушли спать, а Финн, дежуривший до полуночи над картами приграничных земель, наконец задремал, уронив голову на локоть так, что чернильное пятно на его щеке смазалось в неровную кляксу, Кира выскользнула из своей каморки под лестницей, стараясь ступать как можно тише по холодному камню, и, взяв огарок свечи с общего стола, на цыпочках прокралась через притихшие, погружённые в темноту залы туда, где неделю дожидалась её низкая ограждающая цепь.

Сердце колотилось так громко, что ей казалось — этот звук разбудит весь спящий этаж быстрее, чем скрип половиц под её ногами. Она замерла у самой цепи, вглядываясь в темноту за ней, — и на секунду почти передумала, почти убедила себя, что разумнее вернуться в постель и никогда больше не думать об этом дурацком, необъяснимом запрете. Но затем, стиснув зубы, перешагнула через цепь — легко, одним быстрым движением, будто отрезая себе путь назад.

Стеллажи здесь были другими: старше, темнее, будто дерево впитало в себя века, а не десятилетия, — тёмное, почти чёрное от времени, с резными узорами по краям полок, стёршимися настолько, что первоначальный рисунок читался лишь по редким, случайно уцелевшим завиткам. Воздух в этой части зала был плотнее, тяжелее, отдавал не просто пылью, а чем-то более острым, похожим на металл и сухие травы одновременно, а тишина здесь казалась совсем иной, чем в остальной библиотеке, — не просто отсутствием звука, а чем-то живым, настороженно застывшим, будто сами стены прислушивались к каждому её шагу.

Книги стояли плотно, без всякой видимой системы, и большинство корешков были настолько выцветшими, что прочесть названия не представлялось возможным — лишь редкие буквы, полустёртые, проступали из-под слоя пыли, складываясь в слова на языке, который она не узнавала, хотя должна была бы, если верить тому, как легко она читала абсолютно всё остальное в этом мире. Она подняла свечу повыше, вглядываясь в ряды переплётов, и медленно, почти благоговейно провела пальцами по ближайшему ряду, не решаясь пока ничего снять с полки, — кожа под пальцами была шершавой, местами потрескавшейся, обычной, — и вдруг, на середине ряда, пальцы наткнулись на книгу, которая ощущалась иначе: тёплой, почти живой на ощупь, будто под тонкой кожаной обложкой билось что-то похожее на пульс, размеренный и странно, необъяснимо знакомый, будто она уже слышала его когда-то, приложив ухо к чужой груди.

Кира замерла, отдёрнув руку, как от чего-то раскалённого, хотя жара никакого не было — только это странное, тёплое биение под кончиками пальцев. Несколько долгих секунд она просто стояла, глядя на корешок этой единственной, необычной книги среди десятков совер-

шенно обычных на вид, — а потом, не удержавшись, потому что любопытство пересилило весь тот страх, что нащёптывал ей вернуться в постель, сняла книгу с полки.

В тот же миг обложка под её ладонью вспыхнула мягким, ровным светом — не пламенем, не резким блеском, а чем-то похожим на свечение, какое бывает у светлячков летними вечерами на её родной турбазе, только куда сильнее, куда настойчивее, разливающимся волнами, будто книга не просто засветилась, а сделала глубокий, облегчённый вдох после долгого, векового сна. Кира ахнула, чуть не выронив свечу, которую всё ещё держала в другой руке, — но книгу не выпустила, замороженная этим светом настолько, что забыла на мгновение даже испугаться.

Свет побежал по страницам, едва она открыла книгу, подсвечивая строчки, которые сама Кира прочитать не успевала — они складывались и рассыпались слишком быстро, будто книга сама решала, что ей пока видеть, а что — нет, перелистывая сама себя быстрее, чем могли уследить глаза, мелькая обрывками имён, дат, каких-то схематичных рисунков, напоминавших не то карты, не то фамильные древа, — и среди этого мельтешения Кире вдруг почудилось знакомое, но не до конца узнанное лицо, промелькнувшее на одной из страниц и тут же исчезнувшее прежде, чем она успела всмотреться.

— Что здесь происходит?!

Голос магистра Орена прозвучал так неожиданно и так резко, отразившись эхом от высоких сводов, что Кира вздрогнула всем телом и чуть не выронила книгу. Свечение погасло мгновенно, будто испугавшись не меньше, чем она сама, — оставив после себя лишь слабое, гаснущее послесвечение, похожее на отпечаток яркой лампы на сетчатке глаз, — и Кира обернулась, чувствуя, как кровь отхлынула от лица, чтобы увидеть старика, стоящего в проходе между стеллажами с лампой в дрожащей руке и с таким выражением лица, какого она у него ещё не видела за всю неделю их знакомства: не гнев, которого она ожидала и к которому уже готовилась внутренне, а нечто похожее на потрясение вперемешку со страхом — тем самым, глубоким, почти суеверным страхом, с каким смотрят на воскресшего покойника.

— Я просто хотела посмотреть, — пролепетала она, прижимая книгу к груди обеими руками, будто это могло защитить её от того, что явно надвигалось. — Я не знаю, что случилось, оно само...

— Положи. Книгу. На полку, — произнёс магистр очень медленно, каждое слово отдельно, чётко, будто разговаривал с человеком, стоящим на самом краю обрыва, готовым сорваться от одного неверного звука. — Осторожно. Не спеши.

Она послушалась, дрожащими руками возвращая книгу на место — руки её тряслись так сильно, что она чуть не уронила её мимо полки, и лишь заставив себя дышать медленнее, сумела вернуть книгу туда, где нашла. Свет больше не появлялся, но воздух в зале, казалось, всё ещё звенел от того, что произошло — тонко, почти неощутимо, как звенит натянутая струна ещё долго после того, как по ней перестали играть, и это ощущение висело между ними обоими, не давая ни одному заговорить первым.

Магистр Орен подошёл ближе медленным, каким-то неуверенным шагом, поднял лампу выше, вглядываясь в лицо Киры так пристально, так долго, что ей захотелось отступить, вжаться в стеллаж за спиной, лишь бы избежать этого проникающего, почти обвиняющего взгляда.

— Как ты это сделала? — спросил он, и голос его теперь звучал совсем иначе, чем всегда, — тихо, почти умоляюще, будто он одновременно и жаждал, и боялся услышать ответ.

— Я ничего не делала, — честно ответила она, чувствуя, как к глазам подступают слёзы от страха и от накопившегося за неделю напряжения разом. — Просто взяла книгу с полки. Она сама начала светиться. Клянусь, я не хотела ничего плохого, просто... все вокруг так старательно избегали этого угла, что я не могла не...

— Тише, — оборвал он её, хотя тон его не был грубым — скорее рассеянным, будто он вообще не слушал её оправдания, слишком поглощённый собственными мыслями. Старик долго молчал, переводя взгляд с неё на полку, где стояла книга, и обратно, будто пытался убедить себя, что увиденное ему всё-таки почудилось, что усталость и поздний час сыграли с его старыми глазами злую шутку. Наконец он тяжело, почти обессиленно опустился на ближайший стул, стоявший у одного из ближних стеллажей, и весь его прежний холодный, ворчливый вид словно осыпался в одно мгновение, обнажив под собой что-то куда более уязвимое — усталого, испуганного старика, увидевшего призрак собственного прошлого.

— Этого не может быть, — пробормотал он, скорее себе, чем ей, качая головой так, будто хотел вытрясти из неё саму эту мысль. — Столько веков... я думал, этого больше не может быть. Я был уверен, что последний раз, когда эти страницы отзывались хоть на что-то живое, был ещё до того, как я сам получил должность магистра.

— Магистр, — осторожно позвала Кира, опускаясь на корточки рядом с его стулом, — что это была за книга? И почему она отреагировала именно на меня?

Он поднял на неё взгляд — тяжёлый, полный чего-то, очень похожего на страх пополам с надеждой, взгляд человека, стоящего на пороге ответа, к которому шёл, возможно, всю свою жизнь, и внезапно испугавшегося того, что этот ответ означает, — и покачал головой.

— Не сегодня, дитя, — сказал он наконец, тяжело поднимаясь со стула и жестом велая ей идти за собой прочь от стеллажей с синей меткой, туда, где горел привычный, спокойный свет обычных ламп. — Сегодня я и сам не уверен, что готов произнести это вслух — не потому, что не доверяю тебе, а потому, что боюсь произнести слова, которые изменят всё, если окажутся правдой. Но с завтрашнего дня ты будешь читать. Много. И я буду очень внимательно следить за тем, что именно ты читаешь.

Он не сказал больше ни слова в тот вечер — лишь коротко, почти нежно тронул её за плечо, прежде чем разойтись по своим комнатам, жест, совершенно не вязавшийся с его обычной ворчливой отстранённостью, — но, укладываясь спать в своей узкой камерке под лестницей, глядя на пляшущие по потолку тени от догорающего огарка свечи, Кира впервые за неделю чувствовала не одиночество и не растерянность, а что-то новое — тонкое, едва уловимое чувство, что тайна, которую от неё скрывали с самого первого дня в этом городе, только что дала первую трещину, и уже совсем скоро сквозь эту трещину неминуемо начнёт просачиваться свет, каким бы пугающим он ни оказался.

Глава 7

После той ночи магистр Орен изменился — не резко, не заметно для постороннего глаза, но Кира, проводя рядом с ним всего неделю, уже научилась различать эти перемены так, как учатся читать погоду по мельчайшим приметам неба. Он стал внимательнее к ней, но и осторожнее одновременно: то и дело ловил её взгляд поверх очков, тут же отводил свой, будто обжигался о собственное любопытство, поручал работу подальше от стеллажей с синей меткой, будто боялся повторения случившегося больше, чем самого случившегося. За завтраком он теперь клал ей на тарелку чуть больше хлеба, чем прежде, — мелочь, которую он сам, кажется, не осознавал, но которую Кира не могла не заметить: так не подкармливают того, кого считают обузой. Так подкармливают того, за кого начинают тревожиться по-настоящему.

Однажды утром, спустя три дня после той ночи, она застала его за занятием, вовсе не ввязавшимся с его обычной сухой деловитостью: магистр Орен сидел на низкой скамье у окна, там, куда падал самый тёплый утренний свет, и штопал — неумело, то и дело кололя себе пальцы, — маленькую прореху на её единственной запасной рубахе, которую она накануне неосторожно зацепила о край стеллажа.

— Магистр, — растерянно окликнула она, замерев в дверях, — что вы делаете?

Он вздрогнул, как человек, застигнутый врасплох за чем-то постыдным, и тут же попытался спрятать шитьё за спину, но было уже поздно — она увидела достаточно.

— Ничего особенного, — буркнул он, отводя взгляд с той же поспешностью, с какой отводил его всякий раз, стоило ей поймать на себе слишком долгий, слишком внимательный взгляд. — У тебя всего одна смена одежды, а стирать её приходится через день. Веста не успевает — у неё других забот хватает. Кто-то должен был.

— Вы могли просто попросить меня зашить самой, — тихо сказала она, чувствуя, как в груди у неё разливается совершенно неожиданное, почти болезненное тепло.

— Мог бы, — согласился он, не поднимая глаз от неровных стежков. — Но ты весь день на ногах с рассвета, а я — старик, у которого от сидячей работы затекает спина сильнее, чем от лишнего часа с иглой. Так что не делай из этого события, дитя. Просто рубаха. Просто нитка.

Но руки его, продолжавшие неловко, но упрямо орудовать иглой, и то, как старательно он избегал её взгляда, говорили о куда большем, чем «просто рубаха», — и Кира, глядя на этого ворчливого, скрытного старика, вдруг с пронзительной ясностью поняла, что за неделю совместной жизни в этих холодных каменных стенах она стала для него чем-то большим, чем просто временное пополнение, за которым велено присматривать. Она тихо подошла и села рядом на скамью, не говоря ни слова, — и он, вопреки обыкновению, не отпрянул и не отослал её прочь, а лишь молча протянул рубаху, чтобы она сама закончила последний, самый неровный стежок.

— Спасибо, — прошептала она, не уточняя, за что именно, — а он в ответ лишь хмыкнул, тем самым своим скептическим, слегка заинтересованным звуком, который она уже успела выучить наизусть, и вернулся к работе за конторкой, будто ничего не произошло.

Но с того утра что-то между ними неуловимо изменилось — не разговоры, не откровения, которых она так добивалась, а нечто более тихое и, пожалуй, более важное: она перестала чувствовать себя здесь чужой мебелью, которую терпят из вежливости.

Это, впрочем, не мешало ей продолжать попытки достучаться до правды.

— Магистр, — попыталась она в третий раз за то же самое утро, аккуратно расставляя вернувшиеся с полок свитки, — вы обещали объяснить.

— Я сказал «не сегодня», — отрезал он, не отрываясь от свитка, который перебирал за конторкой. Пальцы его двигались чуть резче обычного, выдавая напряжение, которое он

старательно прятал за ворчливостью. — «Не сегодня» было неделю назад. Сегодня снова не сегодня.

— Так будет продолжаться вечно?

— Будет продолжаться, пока я не буду уверен, — отозвался он, и в голосе его прозвучало нечто похожее на извинение, спрятанное так глубоко, что почти неразличимое. — Уверенность — вещь дорогая, дитя. Особенно после того, что я видел в своей жизни.

Она подошла ближе, встала так, чтобы он не мог сделать вид, будто не замечает её, и понизила голос:

— Веста тоже молчит. Финн знает не больше моего. Единственный, кто, кажется, действительно понимает, что происходит, — это вы и комендант. И вы оба ведёте себя так, будто правда меня убьёт, стоит её произнести вслух.

Магистр наконец поднял взгляд — усталый, чуть покрасневший от многочасовой работы при свете свечей, — и в этом взгляде промелькнуло что-то, очень похожее на сочувствие.

— Иногда, дитя, — сказал он тихо, — правда убивает не того, кому её говорят. А того, кто её носит слишком долго в себе.

Она не сразу поняла, кого он имел в виду — себя, Дария или кого-то третьего, — но переспрашивать не стала: она уже понимала, что давить бесполезно. Старик умел закрываться так же плотно, как закрывались тяжёлые двери библиотеки на ночь, и ни один вопрос, ни одна попытка зайти с другой стороны не могли пробить эту стену.

Случай подслушать больше, чем ей полагалось, представился двумя днями позже — совершенно случайно, без всякого умысла с её стороны.

Она возвращалась поздним вечером из дальнего зала, куда относил стопку разобранных карт, и, уже подходя к кабинету магистра, услышала за неплотно прикрытой дверью два приглушённых голоса — его собственный и Дария, чей усталый, хрипловатый от долгой скачки тембр она уже успела запомнить достаточно хорошо, чтобы узнать сразу.

— ... и я не могу больше держать это в тайне бесконечно, — говорил магистр, и голос его звучал напряжённое, чем она когда-либо слышала. — Он должен знать, Дарий. Не через месяц, не когда сам сочтёт нужным вернуться с границы, а сейчас, пока...

Кира замерла у двери, боясь даже вздохнуть слишком громко, прижимая к груди стопку карт с такой силой, что края бумаги врезались в кожу.

— Ты не понимаешь, что это с ним сделает, — тихо, но резко ответил Дарий. — Ты не видел его после того, как... — голос его прервался, будто он сам не смог заставить себя закончить фразу.

— Именно поэтому я и говорю, что он должен узнать от нас, — настаивал магистр Орен, — а не наткнуться на неё случайно, безо всякой подготовки, когда однажды всё-таки вернётся в город. Ты представляешь, что случится, если он...

Половица под ногой Киры вдруг предательски скрипнула — громко, отчётливо, — и оба голоса за дверью мгновенно смолкли. Она отпрянула назад, сердце заколотилось так, что казалось, его стук слышен через всю библиотеку, — и, не дожидаясь, пока дверь откроется и её застанут за подслушиванием, она поспешно, стараясь ступать тихо, метнулась обратно в тень ближайшего стеллажа, так и не узнав, чем закончилась эта фраза, оборвавшаяся на самом важном месте.

Она простояла там, вжавшись в холодный камень, ещё добрых пять минут, но голоса за дверью больше не звучали — то ли собеседники перешли на шёпот, то ли просто ждали, пока незванный слушатель уйдёт восвояси. Наконец, так и не дождавшись продолжения, Кира на негнущихся ногах вернулась к себе в каморку, где долго лежала без сна, снова и снова прокручивая в голове эти несколько обрывочных фраз: «он должен знать», «наткнуться на неё случайно», «представляешь, что случится, если он...» — и не находя ответа, который не пугал бы её больше, чем сама неизвестность.

Оставался только один человек, у которого, как ей казалось, был не менее весомый повод для молчания — и, возможно, чуть больше уязвимости, чтобы это молчание однажды дало трещину.

Дария она нашла спустя два дня, случайно — вернее, специально подгадав момент, когда, по словам Финна, комендант обычно возвращался с утреннего обхода стен. Она вышла на улицу заранее и просидела почти час на ступенях библиотеки, кутаясь в наспех наброшенный плащ, чувствуя, как утренний холод постепенно пробирается под ткань, но не позволяя себе уйти в тепло, пока наконец не услышала знакомый мерный стук копыт.

Дарий ехал во главе небольшого отряда — усталый, в пыльном плаще, со свежей ссадиной на скуле, которую явно не спешил обрабатывать. Заметив её, он придержал коня, явно не ожидав такой прямой засады посреди улицы, и знаком велел отряду проезжать дальше без него.

— У меня мало времени, — предупредил он, но не уехал, и это уже само по себе было маленькой победой.

— Тогда я буду краткой, — ответила она, подходя ближе и глядя на него снизу вверх, не отводя взгляда. — В библиотеке я взяла в руки книгу — и она засветилась. Магистр Орен после этого был готов упасть в обморок, но так и не сказал мне, почему. Я читала о хранителях. Я знаю, что моя магия — не случайность. Вы знаете больше, чем говорите. Я вижу это по вашему лицу каждый раз, когда вы смотрите на меня — и каждый раз отводите взгляд, будто виноваты в чём-то. И я слышала — случайно, не нарочно, — как вы с магистром говорили обо мне позавчера вечером. Про кого-то, кто «должен знать».

Дарий замер, и на лице его на мгновение отразилось что-то похожее на панику — быструю, тщательно подавленную, но всё же безошибочно узнаваемую.

— Что именно ты слышала? — спросил он, и голос его прозвучал куда резче, чем она ожидала.

— Немного, — призналась она. — Половицу скрипнула не вовремя. Но достаточно, чтобы понять: вы оба скрываете что-то настолько важное, что боитесь даже произнести это вслух при закрытых дверях.

Он долго молчал, глядя на неё сверху, и она видела, как в нём борются два желания: сказать правду и промолчать, как молчал уже почти три недели. Конь под ним переступил с ноги на ногу, чувствуя напряжение всадника.

— Знаю кое-что, — признался он наконец, спешиваясь — то ли из уважения к разговору, то ли потому что смотреть на неё сверху вниз стало вдруг неудобно. — Но не всё, и то, что знаю, — не моё, чтобы рассказывать.

— А чьё же?

— Одного человека, — ответил он, и голос его дрогнул на этом слове чуть заметнее, чем ему, вероятно, хотелось бы. — Человека, которому я обязан жизнью не один раз, и которому первому решать, готов ли он услышать то, что я должен ему сказать.

— Люцифер, — произнесла она тихо, впервые вслух называя имя, которое слышала от него самого на площади у фонтана в первый день.

Он вздрогнул — едва заметно, но вздрогнул, — и посмотрел на неё так, будто она только что назвала пароль, о существовании которого сама не подозревала.

— Не спрашивай меня об этом, Кира, — сказал он, впервые назвав её по имени, и в том, как он это произнёс — мягко, почти умоляюще, — послышалось что-то похожее на боль. — Прощу тебя. Не сейчас.

— Почему не сейчас? Когда — тогда?

Он посмотрел на неё так долго и так тяжело, что она на мгновение почти испугалась — не его самого, а того, что читалось в его лице: смесь вины, скорби и странной, почти отеческой заботы, слишком глубокой для человека, знакомого с ней всего три недели.

— Когда я буду уверен, что правда не сломает больше, чем починит, — ответил он наконец. — Он на границе уже почти месяц дольше обычного, Кира. Он не задерживается там без причины так надолго — обычно возвращается каждые две недели, хотя бы на несколько дней. В этот раз — нет. И я подозреваю, что причина в том, что кто-то из моих людей уже успел проговориться о новых людях в городе, а он предпочитает держаться подальше, пока сам не разберётся, что чувствует по этому поводу.

Это было больше, чем он собирался сказать, — Кира видела это по тому, как он сам поморщился после последних слов, будто выдал лишнее.

— Занимайся книгами, — добавил он уже тише, садясь обратно в седло. — Учись у магистра всему, чему он готов тебя научить. Остальное придёт в своё время.

— Люди вроде вас всегда так говорят, — бросила она ему вслед, не скрывая горечи. — «В своё время». А потом это время почему-то никогда не наступает.

Он не ответил — только чуть придержал коня на секунду, будто её слова всё-таки задели что-то, — а потом коротко кивнул, то ли ей, то ли своим мыслям, и пришпорил коня, скрывшись за поворотом улицы вместе со своим отрядом. Кира так и осталась стоять на пороге библиотеки с ощущением, что она только что стучалась в дверь, за которой определённо кто-то есть, но открывать ей пока не собираются — и что за этой дверью прячется не только тайна о ней самой, но и чужая, куда более старая боль, которую она пока даже не начала понимать.

Глава 8

Раз уж двое взрослых мужчин упорно отказывались говорить, оставался единственный источник, который не мог ей соврать или уклониться от ответа, — сами книги.

Кира начала возвращаться к стеллажам с синей меткой не тайком, как в первый раз, а осторожно, шаг за шагом выторговывая себе доступ через магистра: сначала попросила разрешения просто протереть пыль с полок, не открывая книг; потом — рассортировать несколько особенно ветхих томов по темам, раз уж всё равно приходится к ним прикасаться; и в какой-то момент магистр Орен, кажется, устал сопротивляться её настойчивости и просто перестал возражать, ограничившись коротким «под мою ответственность, и без резких движений» — и с тех пор каждый раз, отпуская её к синей метке, находил повод оказаться где-то неподалёку, будто невзначай.

Так, том за томом, она начала читать.

Первые несколько дней приносили одно разочарование за другим: сухие хроники осад, перечни имён павших без единого слова о том, кем они были при жизни, реестры поставок оружия и провизии на границу, составленные аккуратным, но совершенно безликим почерком нескольких поколений писарей. Кира честно проглатывала страницу за страницей, надеясь зацепиться хоть за что-то, но чувствовала, как надежда истончается с каждым новым скучным свитком.

Потом, ближе к вечеру одного особенно долгого дня, когда зал был почти пуст, а свет за узкими окнами уже начал темнеть до сизого, ей попался тонкий, потрёпанный фолиант без названия на обложке. Он стоял не в общем ряду, а криво, будто кто-то в спешке впихнул его между двумя куда более толстыми томами и забыл вернуть на место. Кожа переплёта была тёмной, потрескавшейся, страницы — пожелтевшими настолько, что казались почти коричневыми по краям. Стоило раскрыть первую страницу, как Кира поняла: вот оно, то, ради чего стоило перечитать всё остальное.

«В те годы, когда Пустошь ещё не обрела своей нынешней жестокости, — гласила первая строка, выведенная тонким, почти каллиграфическим почерком, — рядом с демонами жил народ, чья сила заключалась не в разрушении, но в сохранении. Их называли Хранителями — не за то, что они охраняли границы мечом, а за то, что охраняли саму нить, связывающую этот мир с памятью и жизнью».

Кира читала, не замечая, как за окном темнеет, а лампа рядом с ней постепенно становится единственным источником света в зале. Хранители, если верить книге, жили обособленно, отдельно даже от демонов, с которыми некогда были в союзе: их поселения располагались в стороне от главных дорог, среди рощ, которые они сами же поддерживали в цветущем состоянии посреди выжженных войной земель. Магия их питалась не разрушением, а восстановлением — они умели исцелять раны земли после обстрелов, поддерживать жизнь там, где Пустошь выжигала всё живое, хранить память города так, что ни одна осада не могла стереть его историю до конца.

Строчки постепенно начали расплываться перед глазами — не от усталости, хотя усталость тоже была, а от чего-то иного, будто сам смысл прочитанного проникал в неё глубже, чем позволяли обычные слова, минуя разум и оседая сразу где-то под рёбрами. Кира моргнула, тряхнула головой, — и в следующее мгновение зал библиотеки вокруг неё исчез.

Она стояла на открытой площадке, залитой резким полуденным светом, и в руках у неё была не книга, а деревянный учебный меч, непривычно тяжёлый, оттягивающий запястье. Перед ней, в паре шагов, стоял высокий мужчина в лёгких доспехах, лицо которого тонуло в слепящем солнце, — и голос его, низкий, требовательный, разносился по площадке с той чёткостью команды, что не оставляет места для промедления.

— Ещё раз, — говорил он. — Ты снова опускаешь локоть в момент замаха. Тело помнит правильное движение — заставь его вспомнить сейчас, а не после того, как получишь удар, который окажется настоящим.

Она чувствовала, как ноют мышцы рук и спины, как пот щиплет глаза, — и всё же снова и снова поднимала меч, снова и снова повторяла связку, вкладывая в каждое движение упрямую, злую решимость, будто от этого зависело что-то куда более важное, чем простая тренировка. «Я не позволю себе быть беспомощной», — пронеслась в ней чужая, но абсолютно ясная мысль, произнесённая не её собственным внутренним голосом, а кем-то другим, чья решимость была старше и тверже её собственной.

А затем всё вокруг снова качнулось, смазалось, как акварель под дождём, — и площадка под открытым небом исчезла, сменившись высокими сводами, стеллажами, уходящими в темноту, тем особым запахом старой бумаги и воска, который она уже успела выучить наизусть здесь, в библиотеке Астерии, только теперь этот зал выглядел иначе — новее, светлее, с не потрескавшимися ещё колоннами и с полками, забитыми книгами, чьи корешки блестели свежей, ещё не выцветшей кожей. Она — не Кира, но в то же время безошибочно она сама — торопливо шла вдоль рядов, проводя пальцами по корешкам, что-то ища с той же отчаянной, лихорадочной торопливостью, с какой сама Кира недавно рылась по этим самым полкам, — искала что-то жизненно важное, что-то, что нужно было найти прежде, чем случится нечто неотвратимое.

— Ты здесь, — произнёс мужской голос — тёплый, до боли знакомый, будто она слышала его тысячу раз, хотя не могла вспомнить ни единого слова, произнесённого им прежде.

Она обернулась на звук — сердце в груди (чьей груди — своей? чужой?) подскочило от узнавания настолько сильного, что перехватило дыхание, — и увидела силуэт мужчины, стоящего в проходе между стеллажами, тёмный на фоне яркого света из высокого окна за его спиной, — высокого, широкоплечего, с чем-то неуловимо знакомым в развороте плеч, — но лицо его тонуло в этом самом свете, размытое, неразличимое, будто сама память отказывалась отдавать эту деталь так просто.

— Нашла что-то интересное?

Голос магистра Орена прозвучал так неожиданно, врываясь в это чужое, наполовину увиденное воспоминание с грубой, обжигающей ясностью реального мира, что Кира вздрогнула всем телом и захлопнула книгу быстрее, чем успела подумать зачем, — а видение осыпалось, как картонный домик, оставив после себя лишь смутное, тянущее чувство утраты, будто она захлопнула дверь перед лицом, которое почти успела рассмотреть.

Он стоял в дверях зала уже не первую минуту, судя по тому, как спокойно, без удивления, он произнёс эти слова, — и по его лицу было видно, что он прекрасно знает, какую именно книгу она держит в руках, но, к счастью, не мог знать, что произошло у неё внутри головы всего секунду назад.

Кира несколько секунд просто сидела, приходя в себя, чувствуя, как бешено колотится сердце, как дрожат пальцы, всё ещё лежащие поверх закрытой обложки, и лихорадочно взвешивая, стоит ли рассказать магистру о том, что только что случилось. Слова уже готовы были сорваться с языка — «Магистр, я только что видела...» — но что-то удержало её в последний момент: то ли осторожность, привитая тремя неделями недомолвок и уклончивых ответов в этом городе, то ли смутное, необъяснимое чувство, что это видение — что-то слишком личное, слишком хрупкое, чтобы делиться им прежде, чем она сама успеет понять, что оно означает. А что, если магистр, узнав, тут же снова запрет её подальше от книг, испугавшись того, что происходит с ней всё сильнее? Что, если это лишь напугает его так же, как напугало её саму?

Она промолчала — просто кивнула, не поднимая глаз, будто всё ещё поглощена одним лишь текстом, а не тем чужим лицом, растворившимся в свете прежде, чем она успела его разглядеть.

— Магистр, — произнесла она наконец, стараясь, чтобы голос звучал ровно, кладя ладонь поверх переплёта, — эта книга, магия, которая у меня проснулась в ту ночь... Вы думаете, что я — Хранительница?

Он подошёл ближе, тяжело опустился на стул напротив неё за столом — не сразу, а медленно, будто каждое движение давалось ему сегодня труднее обычного, — и впервые за всё время их знакомства в его лице не было ни привычной суровости, ни настороженности. Только глубокая, застарелая усталость человека, который слишком долго нёс груз чужой тайны в одиночку и наконец позволил себе на секунду отпустить эту ношу.

— Я не думаю, дитя, — сказал он тихо, глядя не на неё, а на закрытую книгу между ними. — Я почти уверен. И это пугает меня больше, чем ты можешь себе представить — не потому, что это плохо, а потому, что последний раз, когда в этом городе жила Хранительница, всё закончилось так, что о случившемся до сих пор боятся говорить вслух даже спустя века. Странницу, которую ты искала, — добавил он, кивнув на вырванный лист, о котором она уже успела упомянуть чуть раньше в разговоре, — вырвал не я. Она была вырвана задолго до того, как я стал магистром этой библиотеки. Кто-то очень не хотел, чтобы правда сохранилась целиком.

Разговор угас сам собой вскоре после этого — магистр, судя по всему, снова счёл, что сказал больше, чем планировал, и с привычной уже уклончивостью сослался на неотложные дела, оставив Киру одну в почти опустевшем зале.

Она ещё долго сидела за столом, не в силах взяться ни за одну книгу, — а затем, поднявшись, подошла к высокому узкому окну, за которым небо, весь день державшееся в неопределённой, серой хмури, наконец разразилось настоящей грозой. Первые тяжёлые капли ударили по стеклу, стекая косыми, извилистыми дорожками, а вдалеке, над чёрной грядой на западе, беззвучно, будто в замедленной съёмке, полыхнула молния, на мгновение выхватив из темноты острые, изломанные контуры дальних скал.

Кира прижалась лбом к прохладному стеклу, вслушиваясь в нарастающий гул дождя по крыше библиотеки, и мысли её, помимо воли, снова и снова возвращались к пережитому видению — к деревянному мечу в непривычно тяжёлой руке, к требовательному голосу наставника, к торопливым поискам среди книжных полок и, наконец, к тому голосу — «Ты здесь» — произнесённому с такой глубокой, невозможной нежностью, что от одного воспоминания об этом тоне у неё сжималось сердце.

Она закрыла глаза, слушая, как гроза набирает силу за стеклом, — и почти сразу же перед ней снова возник тот же силуэт: высокий, тёмный на фоне яркого света, с чем-то до боли знакомым в развороте плеч и в том, как он застыл на пороге, будто сама её память цеплялась за эту фигуру, пытаясь наконец дорисовать недостающие черты. Лицо по-прежнему ускользало, размывалось, стоило ей попытаться сосредоточиться на нём чуть сильнее, — но само ощущение, тёплое и тревожное одновременно, осталось с ней так ясно, будто это был не чужой сон, увиденный мельком, а что-то, что она сама пережила когда-то очень давно и теперь наконец, шаг за шагом, начинала вспоминать.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.